

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФСКАЯ АНАЛИТИКА ПРОСТРАНСТВА*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ПУТИ (к постановке вопроса)

© Ю. А. Разинов

Разинов Юрий Анатольевич
кандидат философских наук,
доцент

доцент кафедры философии
гуманитарных факультетов
Самарский
государственный университет

Статья посвящена явлению душевного гомеоморфизма, в контексте которого рассматривается идея пути и его историческая редукция к понятию метода. Вводя термин «экзистенциальная геометрия», автор ставит вопрос о парадоксальной метрике человеческого бытия и пространства душевной метаморфозы.

Ключевые слова: геометрия, топология, гомеоморфизм, путь, метод, метаморфоза, аметодизм, даосизм.

Целью настоящей статьи является тематизация термина «экзистенциальная геометрия».

Блестителям терминологической «чистоты», заданной образцом точных наук, такой термин может показаться столь же невразумительным, как и близкий ему по смыслу термин «психологическая топология». В самом деле, причем тут «экзистенциальное» или «психологическое», если геометрия и топология — это разделы математики, изучающие пространственные структуры и отношения? Разве эти науки улавливают какое-либо экзистенциальное содержание? Разве такой предмет, как «человеческое бытие», требует измерения?

Всем известно, что геометрия изучает метрические свойства и отношения простран-

---

* В первом разделе журнала представлена часть материалов российской конференции «Философская аналитика пространства» (9-10 ноября 2011 года).

Конференция была организована и проведена Центром философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии.

ственно неизменных фигур, в то время как топология — непрерывные связи в трансформирующихся объектах. При этом обе дисциплины конструированы одной и той же идеей *однородного, изотропного и непрерывного пространства* — признаков необходимых для измеримости и контроля наблюдаемых объектов. Однако то, что мы именуем *пространством человеческого существования*, характеризуется прямо противоположным образом. Оно *неоднородно, анизотропно и дискретно*, как и сама экзистенция, которая, по Хайдеггеру, «всегда моя», но при этом еще и подвержена отчуждению. Экзистенция *все время* колеблется между модальностями «собственного» и «несобственного», «подлинного» и «неподлинного». Dasein дискретно. Кроме того, экзистенция характеризуется существенным неравенством экстагических направлений или *проектов*, как сказал бы Сартр. Но главное заключается в том, что она сама о себе «решает», выбирая ту или иную бытийную возможность, тот или иной вектор существования. Поэтому соединение свойств *экзистентности* и *измеримости* в одной терминологической связке кажется оксюмороном, отдает методологической эклектикой и если и может быть принято к сведению, то лишь в качестве ни к чему не обязывающей метафоры.

Между тем столь парадоксальное смешение терминов создает важные *эвристические* эффекты, что со времен Канта для философии имеет большее значение, чем так называемое «объективное понятие». Когда художники и музыканты в целях «аутентичного» выражения художественного опыта заимствуют язык друг у друга, они создают синергетический эффект «усиления» образа. В таких случаях художники предпочитают говорить о цветовых *гаммах* и живописных *интонациях*, в то время как музыканты — о звуковой *палитре* и мелодическом *рисунке*. И дело не только в том, что эффект метафоры — это художественный эффект. Любая метафора служит прежде всего для расширения мыслительного горизонта и с некоторых пор все увереннее распространяет свои права в границах теоретического дискурса.

В качестве теоретической метафоры термин «экзистенциальная геометрия» способен тематизировать экзистенциально-онтологическое основание, на котором зиждется как классическая геометрия совершенных форм, так и постклассическая топология трансформирующихся объектов. Этот термин аккумулирует серию парадоксов, характеризующих динамическое пространство человеческого бытия, его парадоксальную специфику, о чем речь пойдет ниже.

Здесь возникает другой вопрос: почему «геометрия», а не «топология»?

М. Мамардашвили, как известно, ввел в оборот термин «психологическая топология», и важно понять, в чём состоит его необходимость.

При первом приближении кажется, что предпринятая Мамардашвили «психологическая топология пути» — это исследование тех «мест», в которые «убежала» и где «поселилась» душа (героев романа М. Пруста)¹.

¹ Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени» / общ. ред. Ю. П. Сенокосова. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.

В соответствии с исходным значением греческого слова «топос» (место) это можно понимать как исследование *мест пребывания души*. А если иметь в виду еще и перемену мест, то так понятая топология есть «топология прохождения собственного жизненного Пути» (Ю. Сенокосов)², а в нашем понимании есть *аналитика испытания*.

Однако выбор термина «топология» обусловлен и более строгой причиной, а именно — важнейшим для топологии явлением психического *гомеоморфизма*.

Гомеоморфизм — основное понятие топологии, выражающее свойство объекта сохранять внутренние пространственные связи в процессе его внешних трансформаций. В качестве наглядного примера хочется озвучить широко известный пример: легким движением «руки»... бублик превращается..., превращается бублик... в элегантную кружку!³ При этом топологию интересует не само это превращение, а механизм действия трансформера. В контексте психологической проблематики — это гомеоморфизм душевных связей, своего рода душевных скреп, которые сохраняются неизменными на фоне непрерывной трансформации сознания, жизни или судьбы.

И все же психический гомеоморфизм — не строгий термин. Хотя душа и непрерывна в смене своих состояний, но не совсем так, как говорит об этом математическая топология. Очевидно, что не все «соседние точки» пространства души устойчиво связаны между собой и не все «узлы» неразрывны. Поэтому речь может идти лишь об особых *привилегированных* точках и связях между ними, которые сохраняются во всех перипетиях судьбы. Душевный гомеоморфизм обусловлен наличием самовоспроизводящихся и относительно устойчивых семантических цепочек, «точек пристежки» (в терминах Ж. Лакана), которые обеспечивают хотя и проблематичное, но так называемое «личное тождество». Психические состояния подобны, но не тождественны друг другу.

Иными словами, речь идет лишь об аналогии с пространственным гомеоморфизмом, который исследует математика, а не о полном совпадении. И, тем не менее, предпринятое М. Мамардашвили исследование «психологической топологии» является великолепным примером эвристических возможностей, открываемых «неточным» употреблением терминов.

Выбор термина «экзистенциальная геометрия» продиктован двумя обстоятельствами. Первое — чисто формальное. Согласно принятой классификации, топология — это раздел геометрии (хотя и неклассической). Второе — содержательное. В силу определенных традиций, термин «экзистенциальное» более уместен, нежели «психологическое». Кроме того, слово «геометрия», в отличие от «топологии», содержит важную для нас коннотацию *метрики*, которая в каком-то (пока проблематичном для нас) смысле присуща человеческой жизни. Экзистенция не измерима в том отношении, в каком

² Там же. С. 6.

³ Данный пример наглядно демонстрируется на странице «Википедии», посвященной гомеоморфизму.

измерима *res extensa*. И все же она имеет определенную метрику, некую размерность, в которой соотносимы «близкое» и «далекое», «высшее» и «низшее», «прямое» и «кривое». Пространство и время, утверждал Хайдеггер, «человекообразны». Сам же человек *Dasein*-размерен (*DaseinsmaBig*)⁴.

Поэтому есть определенная истина в том, что экзистенциальной мерой труда является не количество товаров, производимых за единицу времени, как учит классическая политэкономия, а *усталость*. В истории существовали и существуют общественно-экономические формации, «где мерилом работы считают усталость» (И. Кормильцев). Когда древние утверждали, что «настоящую богиню узнают по походке», они пользовались особой меркой, отличной от набившей оскомину метрики «90/60/90». Или возьмем другой пример. Когда сегодня говорится о «большом таланте», то невозможно отделаться от вопроса: «насколько большой этот талант»? Но что может служить мерилом таланта? Очевидно, что не общественное признание, которое повсюду насаждает посредственность и бездарность. Если последовать за народной мудростью, которая гласит, что «талант не пропьешь», то юмористическое определение меры таланта вытекает само собой: талант — это способность сохранять сухой остаток навыков, не расщепляемых алкоголем. Когда утверждается, что «нет предела совершенству», то речь опять-таки идет о мере завершенности результатов труда. К. Кастанеда в этой связи приводит любопытную формулу совершенства: совершенно то, что ты сумел достичь по отношению к самому себе. То есть совершенство состоит не в посягательстве на трансцендентную планку платонического идеала, по отношению к которому действительно «нет предела совершенству», а в том, чтобы достичь границы собственных возможностей к совершенству, в том, чтобы уметь существовать на этой границе, *испытывая* свою меру мужества, свою меру отрешенности и свою меру любви. Найти такую меру для совершенства, таланта, мастерства, любви, желаний, добродетели и наслаждения и есть основная проблема.

Если говорить об измеримости некоторых душевных состояний, то древние, стоит признать, знали об этом больше, чем мы, унаследовавшие картезианский принцип пространственной разрешимости и артикулированности всех наблюдаемых объектов. Древние знали об этом больше хотя бы потому, что вопрос о *мере желаний* возник раньше, чем вопрос о *мере длины*. В нашем же мире все наоборот. Современный «продвинутый» школьник постигает мир дифференциальных уравнений раньше, чем приобретает способность дифференцировать свои желания и поступки. «Продвинутое» образование не становится свидетельством продвинутого пути.

Термин «экзистенциальная геометрия» так же, как и «психологическая топология», имеет в виду Путь в некотором важном смысле этого слова, а именно — его экзистенциальное измерение. В европейской же культуре произошла редукция этого смысла к методу. Метод — это путь, прошедший

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

процедуру рефлексивной разметки. Для характеристики методического движения важно не столько то, *куда* мы пришли, сколько то, *как* мы к этому пришли. Греческое слово *μέθοδος* буквально означает «по-след-ование» или «по-след-ствие». Метод — это последыш первоначально неметодического измерения пути. Это своего рода инструкция или карта, содержащая последовательную раскладку шагов, — своего рода *по-дорожная*.

В греческом языке существует три термина для обозначения пути: *οδός*, от которого происходит *μέθοδος*, *λόρος*, от которого произведен термин «апория» (*ἀπορία* — буквально «бездорожье»), и *πίτος*, антонимом к которому является *ἀπάτη*, переводимое как «обман», «хитрость», «заблуждение», «ложный путь».

Слово *μέθοδος* образовано путем слияния приставки *μέθ* (*по*, *пере*) и существительного *οδός* (*дорога*, *путь*). Причем дорога понимается здесь в самом обычном смысле, главным образом, как сухопутная, зримая, то есть *проходящая* дорога. К примеру, когда Парменид представляет топологию «пути истины» и «пути мнения», он употребляет только один термин — *οδός*, имеющий значение дороги в смысле *наличного*, то есть уже проложенного, хотя и неизведанного пути. При этом он испытывает дефицит терминов, так как имеет в виду как раз *неналичное* содержание пути. По этой причине он вынужден искать референции, уводящие в сторону от тривиального значения термина естественного языка. «Путь истины» характеризуется Парменидом как «дорога божества», как путь «запредельный тропе человек»⁵.

Идея метода становится краеугольным камнем всей европейской метафизики, поскольку предполагает наименее затратный (экономный) способ достижения цели, геометрическим выражением которого является прямая линия. Под методом Декарт подразумевает простые и легкие правила, соблюдение которых позволяет «без излишней траты умственных сил», или, в другом переводе, «не затрачивая напрасно никакого усилия ума, но постоянно шаг за шагом» продвигаться по стезе познания⁶.

В методе осуществлена рефлексия, но и одновременно редукция пути, как в смысле *торения*, связанного с движением по бездорожью, так и в смысле *проживания*, раскрывающего *пространство нехоженого*.

Для обозначения пути в этом значении в греческом языке чаще используется другое слово — *λόρος*, *λόρεία*. Оно означает *путь*, *поход*, *переход* с акцентом на *преодоление преграды*, чему в старорусском языке соответствует глагол «путить». Непреодолимая преграда на таком пути есть *ἀπόρεια* — слово, ставшее, благодаря Зенону, термином неразрешимого логического затруднения. Обозначая первоначально буквально *непроходимое место*, *беспутьицу*, слово «апория» стало уже в переносном смысле

⁵ Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. С. 287, 295.

⁶ Декарт Р. Правила и руководства для ума // Избранные произведения / Р. Декарт. М., 1950. С. 89; *Его же*. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 86.

метафорой безвыходной ситуации. Суть же затруднения — необходимость торения, то есть прокладывания дороги там, где ее нет или где она невозможна, следствием чего становится блуждание и заблуждение.

Наконец, для обозначения пути в смысле движения в *раскрытом пространстве* в греческом языке существует третий термин — *πάτος, πάτη*, имеющий значение *тропинки, стези*. Всякое отклонение от *πάτη* есть *ἀπάτη*, что буквально означает «не-путь» (беспутица). Будучи в переносном смысле термином для обозначения *обмана и заблуждения*, слово *ἀπάτη* первоначально означало *отклонение* от известной, то есть пройденной кем-то дороги. Впоследствии оно стало означать отклонение от закона, нормы или правила. В таком понимании пути уже намечена редукция в сторону метода как *правильного, расчетливого и поступательного* движения к цели. Отклонение от стези получает подчеркнута негативную оценку *блуждания и заблуждения*, которое, в конечном счете, должно быть предотвращено посредством методического усилия.

В экзистенциальном плане путь — это само прохождение, это *бытие-в-затруднении* или пребывание в *экзистенциальной апории*, в которой оказывается всякий вторгающийся в неизведанное пространство, бредущий по нехоженому маршруту, по распутице, по бездорожью. Но именно такое содержание пути, сопряженное с непроходимыми трудностями, ошибками, обманом и заблуждениями, пытается преодолеть западное мышление, вооруженное идеей метода.

Кстати говоря, в более раннем словоупотреблении *μέθοδος* имело обратный смысл и означало не способ достижения истины, а *хитрость и коварство*. Действовать методически — означало обманывать, пользуясь обходным маневром, заходя в тыл противника и двигаясь ему *вослед*. Иными словами, первоначально *μέθοδος* — это феномен сокрытия, а не откровения. Как таковой он имеет отношение скорее к сфере ложного (*ψεῦδος*), нежели истинного. Исторический парадокс этого слова заключается в том, что, означая первоначально коварное *преследование*, оно впоследствии стало означать позитивно осмысленную *последовательность*, достигаемую посредством рефлексивной раскадровки шагов.

Греческие антонимы «аметодейя», «апория» и «апатэ» с их негативным смыслом служат языковым подспорьем для последующей редукции пути к методу. Декарт в итоге скажет, что ему «гораздо лучше никогда не думать об отыскании истины какой бы то ни было вещи, чем делать без метода»⁷.

Не проследивая всю длину исторической цепочки, приведшей к гегемонии математической модели пространства с маниакальной тенденцией к «наращиванию измерений зримости» (Ж. Бодрийяр), ограничимся одной общей констатацией. Картезианская модель, обусловленная введением в геометрию неизменных координатных прямых, позволила контролируемым образом наблюдать любое пространственное явление. Посредством соотношения с осями координат «каждая точка обретала свое лицо» и «со-порядок

с другими»⁸. Такая модель самым существенным образом была связана с идеей метода как надежного способа наблюдения за объектами и гарантированного достижения результатов познания. Если в китайском понимании Путь (Дао) — это одновременно и *цель*, и *способ* ее достижения, равно как и само *достижение*, то в европейской культуре произошла постепенная редукция идеи пути к одному преимущественному смыслу — к контролируемому воспроизводимому *целерациональному способу действия*. В качестве метода путь перестал быть сферой осуществления человеческих поступков, ибо, как следует из размышления М. Бахтина, любой метод для поступка был бы отрицанием самого поступка⁹.

Экзистенциальная геометрия — это теория *Пути* в том начальном смысле, который оказался преданным забвению в культуре современных «путешественников» — туристов, занятых не сбором впечатлений, а коллекционированием знаков впечатлений, озабоченных не душевной работой, а перемещением тел (и их знаков) в системе физических и социальных координат¹⁰.

В европейской культуре о геометрии Пути в смысле исследования пространства душевной метаморфозы впервые заговорил Данте в «Божественной комедии». Он даже сформулировал некоторые постулаты своей «нетленной геометрии»¹¹, которые для традиционной геометрии чисел являются парадоксами. В этой геометрии *кратчайший путь не является самым близким, а движение в одном направлении* (вниз, в сторону Ада) *оказывается движением в обратном направлении* (вверх, в сторону Рая). Однако целый ряд «аксиом» экзистенциальной геометрии был сформулирован много веков раньше — в даосской традиции. При этом сам даосизм разработал гораздо более сложную и изощренную метрику Пути, нежели греческая, а тем более европейская философия с ее тяготением к универсализации мерности.

Вычитать эти парадоксы из даосских канонов не так просто. Во-первых, по причине того, что сами принципы китайской философии весьма вариативны, во-вторых, потому, что стиль даосского мышления избегает прямых определений, тяготея к иносказательности притч и поясняющей роли примеров. Тем не менее, при достаточно беглом и поверхностном знакомстве с текстами Лао-цзы и Чжуан-цзы можно вычленил несколько парадок-

⁸ Конев В. А. Декартовы и Дантовы координаты (к проблеме определения ценностного бытия) // *Философия культуры* '95. Самара : Изд-во «Самарский университет», 1995. С. 5.

⁹ Бахтин М. М. К философии поступка // *Работы 20-х годов* / М. М. Бахтин. Киев : Next, 1994. С. 9—68.

¹⁰ Имеется в виду система социальных координат, мыслимая по образу и подобию декартовых координат, как «координат отнесения» (подробнее об этом см. в указанной работе В. А. Конева).

¹¹ «Нетленная геометрия» — термин, введенный итальянским историком литературы Ф. Де Санктисом (см. : *История итальянской литературы* / под ред. Д. Е. Михальчи : в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1963).

⁷ Декарт Р. Указ соч. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 86.

сальных суждений, которые с учетом указанной вариативности можно свести к нескольким модулям. Приведем некоторые из них, не вдаваясь в подробный комментарий.

1. «Путь, о котором можно поведать, — не постоянный Путь»

Так звучит первая строка трактата «Дао де цзин», которая вызывает наибольшие разночтения у синологов и даосских комментаторов. Повидимому, речь идет о том, что познание Пути изменяет сам Путь, его содержание и смысл. Однако это положение можно интерпретировать и в том духе, что «поведанный» и тем самым *указанный* путь не может быть пройден, повторен в первоначальном виде. Тайная завеса пути приоткрыта, а стало быть, он уже нагружен чьим-то чужим, не тобой совершенным опытом, на который нельзя полагаться как на универсальное предписание. В том же смысле Сталкер из одноименного фильма А. Тарковского предупреждает своих спутников о том, что в Зоне, где прокладывается путь к заветной Комнате, нельзя ходить проторенной тропой. Здесь вообще нельзя ходить по одной «тропе» дважды. Следовательно, здесь вообще не должно быть ни одной тропы.

2. «Вступивший на путь никуда не идет»

Этим изречением приоткрывается обширная тема, далеко выходящая за рамки данной статьи. Смысл же самого изречения можно понять так, что у Дао нет особой цели, подчиняющей себе характер движения, поскольку Путь и есть *цель в себе*. С этой точки зрения попытки «ускорения» или «оптимизации» процесса выглядят смехотворно глупо. В этом отношении даосская сентенция гораздо радикальнее, чем латинская максима «торопись медленнее», ибо тому, кто никуда не идет, некуда и торопиться.

3. «Умеющий ходить не оставляет следов», и, кстати говоря, поэтому Путь не является стезей или дорогой в обычном смысле этого слова. На тему этой фразы можно было бы написать целый трактат об этической добродетели *затаенной скромности* или же эссе об онтологическом азарте *бытия-сокрытым*. Но в нашем случае следует ограничиться общим замечанием относительно того, что истина Пути не может быть предметом громкой манифестации, а тем более служить наглядным пособием для самосовершенствования. Как заметил один из даосских комментаторов, «нет большего воровства, чем когда совершенство становится предметом знания»¹².

4. «Путь, ведущий вперед, кажется отступлением»

Эта идея не требует особого комментария, так как понятна всякому русскому человеку, знакомому с историческим прошлым своей страны — с теми ее страницами, на которых запечатлена серия победоносных отступлений. Похожие слова звучат в песне «Русская дорога» питерского гармониста И. Растеряева: «Запомните загадочный тактический прием: когда мы отступаем, это мы вперед идем!»

¹² Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы. Даосские каноны / пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Астрель : АСТ, 2002. С. 131.

5. «Уходить далеко — значит возвращаться»

Эта мысль перекликается одновременно и с образом парадоксального реверсивного движения в одном направлении из «Божественной комедии» Данте, и с ницшеанской идеей «вечного возвращения». Вместе с приведенными выше сентенциями она выражает идею пространства, подобного ленте Мебиуса. Точка переворота (инверсии) и начала реверсивного движения все время ускользает из зоны прямого видения и всегда обнаруживается лишь задним числом.

6. «Ровный Путь — самый труднопроходимый»

Такое мнение противоречит не только обыденной точке зрения, но и рациональной установке на достижение результата «без излишней траты умственных сил». Экономический разум, выработавший всевозможные «правила и руководства для ума», не готов мириться с неконтролируемыми издержками пути. Он предпочитает не чреватую апориями и заблуждениями торную дорогу, а широкополосный *speedway*. Действию в обход он предпочитает движение напрямик.

7. Наконец, можно привести еще ряд взаимосвязанных утверждений, идущих вразрез с целерациональной установкой европейской культуры, нацеленной на простоту метода и очевидность результатов. «Явленный путь — ложный», в то время как истинный «покрыт мраком», поскольку, согласно другой «аксиоме», «подлинное находится там, где его нет».

Итак, если сравнивать европейскую и китайскую традиции, то следует сказать, что даосы с самого начала включают в содержание пути то, что греческие философы, начиная с Парменида, относят к явлениям аметодизма. Зигзаги и отклонения, повторы и пересечения, околичное блуждание и задержки — все это опознается европейским (экономическим) разумом не в качестве значимых и необходимых элементов пути, а в качестве его неконтролируемых издержек. Борьба с такими издержками и составляет суть методического усилия. Оно приобретает свою завершенность на почве математики и геометрии, задающей универсальное пространство исчисляемости и измеримости.

Даосы же рассматривают Путь в смысле непрерывно длящейся метаморфозы души, в которой все привычные ориентиры обратимы, где любая координация событий и состояний является временной и условной. Поэтому мы и получаем такую парадоксальную топологию, где уходить значит возвращаться, где прямой путь не самый короткий, где задержка в пути, пауза, заминка, промедление могут иметь большее значение, чем мнимое ускорение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Работы 20-х годов. — Киев : Next, 1994.
2. Декарт, Р. Правила и руководства для ума // Соч. : в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. — М. : Мысль, 1989.
3. Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы. Даосские каноны / пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. — М. : Астрель : АСТ, 2002. — С. 131

4. История итальянской литературы : в 2 т.: Т. 1. / под ред. Д. Е. Михальчи. — М. : Иностранная литература, 1963.
5. Конев, В. А. Декартовы и Дантовы координаты (к проблеме определения ценностного бытия) // *Философия культуры* ' 95. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 1995.
6. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени» / общ. ред. Ю. П. Сенокосова. — СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
7. Мудрецы Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы : пер. с кит. — СПб. : Петербург-XXI век : Лань. 1994.
8. Парменид. О природе // *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики* / отв. ред. И. Д. Рожанский. — М. : Наука, 1989.
9. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Ad Marginem, 1997.